

Седьмая глава. Гигантский кокон

Когда небо полностью посветлело, Сяо Юй медленно пришёл в себя и по привычке потёрся щекой о лежащую рядом подушку.

Поняв, чем именно оказалась эта «подушка», было уже поздно. Что делать? Неужели Цан Хай станет упрекать его за такие вольности?

Пользуясь тем, что Цан Хай ничего не видит, Сяо Юй сделал вид, будто только что проснулся:

— М-м, уже рассвело?

Цан Хай лишь улыбнулся и промолчал. Сразу после пробуждения люди обычно ленивы на язык, и маленький русал явно чувствовал за собой вину.

Впрочем, он не стал разоблачать неуклюжую актёрскую игру Сяо Юя:

— Доброе утро.

Сяо Юй уже собирался ответить, как вдруг почувствовал упавшие на плечи пряди волос. Проведя рукой по волосам до самых кончиков, он удивился:

— Почему они снова отросли?

Цан Хай убрал защитный купол. Выражение его лица ничуть не изменилось, но на самом деле вопросов в его душе было не меньше, чем у Сяо Юя.

Волосы для русалов — один из инструментов исследования океана, поэтому от природы они у них длинные. Некоторые даже владеют искусством удлинять пряди и использовать их как оружие.

Еще вчера ему показалось странным, с чего это вдруг маленькому русалу вздумалось состричь собственные волосы.

Судя по всему, Сяо Юй понятия не имел об этой особенности русалов. Интересно, как же он жил всё это время до сих пор?

У этого малыша секретов оказалось ничуть не меньше, чем у него самого.

— Н-нет, не нужно.

Сяо Юю пришлось вежливо отказаться от предложения Цан Хая. Он решил еще раз поломать голову над сюжетом и вспомнить, не было ли в первоисточнике описания повадок русалов.

Цан Хай возражать не стал:

— Тогда давай собираться завтракать.

Цан Хай улыбнулся:

— Подойди, я помогу.

Сяо Юй раздражённо взъерошил копну чёрных волос. Хотя быстрая регенерация избавляла его от проблем с облысением, возиться с причёской было поистине мучительно.

Он попытался проявить упрямство:

— Наверное, у моих волос своё мнение на этот счет. Пойду-ка я их еще разок проучу.

Сяо Юй редко видел, чтобы Цан Хай улыбался. Большую часть времени его лицо оставалось бесстрастным, из-за чего даже при его безупречной внешности во взгляде Сяо Юя ему недоставало живости. А если добавить к этому вечно прикрытые глаза, то от мужчины и вовсе веяло какой-то мертвенностью.

Сяо Юй послушно отправился мыть посуду, а длинные пряди тем временем свесились в воду, вздымая круги ряби.

Конечно, Цан Хай не мог видеть причёску Сяо Юя, но вполне мог сделать выводы по звукам:

— Волосы распустились?

С бесстрастным выражением лица Цан Хай поинтересовался:

— Нужна помощь?

Он приоткрыл рот, собираясь расспросить Цан Хая о волосах, но тут же передумал: разве подобные вопросы не выдадут его полное невежество в отношении русалов?

К тому же он еще не был уверен, отрастут ли волосы снова завтра после сегодняшней стрижки.

Приняв окончательное решение, Сяо Юй гордо вздернул подбородок. Чёрные, как смоль,

волосы водопадом спали на плечи; он собрал ладонью выбившиеся у ушей пряди и кое-как скрутил их в узел.

Ему еще никогда не доводилось носить длинные волосы и уж тем более кому-то их заплетать, так что для первого раза получилось вполне сносно.

Пусть кривовато, зато никто не видит — правда ведь, братец-кормилец?

Уши Сяо Юя запылали. Прижимая к груди посуду, он пробежал пару шагов, и кто бы мог подумать, что только что сооруженная причёска тут же развалится.

Это стало тем самым завершающим штрихом, который придавал безупречной внешности мужчины ещё больше неотразимого, сокрушительного очарования.

И спрашивать об этом было нельзя. Ни в коем случае нельзя.

Опомнившись, Сяо Юй обнаружил, что уже сидит рядом с Цан Хаем, покорно позволяя тому собирать его волосы.

Дошло до того, что при виде едва заметной улыбки в уголке губ Цан Хая у Сяо Юя едва глаза на лоб не полезли.

Может, всё-таки завязать волосы обратно?

Инструмент для создания причёски оказался до боли знакомым — это были те самые вымытые им бамбуковые палочки для еды.

Движения Цан Хая были донельзя уверенными и привычными, и не прошло и полминуты, как волосы лежали волосок к волоску.

Сяо Юй взглянул на своё отражение в водной глади и не удержался от восхищения:

— До чего же ловко! Цан Хай, ты что, где-то тренировался?

— Дома жил один питомец с очень длинной шерстью. Если за ней не ухаживать, она сваливается в сплошной комок.

В голосе Цан Хая проскользнуло легкое пренебрежение, но было очевидно, что питомца он очень любит, иначе не стал бы с таким терпением приводить его в порядок.

При упоминании длинношёрстного питомца Сяо Юй вспомнил, что у главного злодея-босса

Цзи Цанхая из книги «Сильнейший кадет межзвёздного военного училища» тоже была белоснежная длинношёрстная зверюшка по кличке Аоцзя.

Цзи Цанхай держал Аоцзя потому, что та обладала уникальной способностью поглощать тёмную материю, превращая её в пригодную для использования энергию.

В финальной битве главный герой Гу Сицзяо воспользовался именно этой особенностью Аоцзя: он скормил зверьку порцию корма, насыщенного нестабильной тёмной материей, что спровоцировало взрыв тёмной материи внутри самого животного.

Аоцзя самоуничтожилась, Цзи Цанхай тяжело пострадал, и Гу Сицзяо сорвал невероятный куш.

С тех пор главный герой пошёл в гору по трупам главного злодея, став всеобщим любимцем Федерации, а затем шаг за шагом взойшёл на вершину власти. Теперь он мог одним движением руки вершить судьбы, а звёздный океан подчинялся каждому его приказу.

Мысли унеслись куда-то далеко.

Сяо Юй уплетал плавающие в похлёбке ломтики мяса: сюжет книги сейчас ни капли ему не помогал, все мысли следовало направить исключительно на выживание.

— Цан Хай, сколько еще мяса осталось? — спросил он.

— Хватит еще на день, — ответил Цан Хай.

Сяо Юй хмыкнул, прикидывая в уме, где бы добыть стратегические запасы еды.

Последние два дня — то ли из-за убийственной ауры Цан Хая, то ли ещё по какой причине — им на пути не встретилось ни единого агрессивного чудовища, из-за чего запасы провизии не пополнялись.

Придётся поломать голову над тем, как выманить зверя из норки.

— Может, мне побыть приманкой?

Сяо Юй чётко понимал свою роль: во всём, с чем не мог справиться Цан Хай, он был обязан взять инициативу на себя.

Цан Хай покачал головой:

— Не нужно.

С этими словами он бросил в море несколько круглых конфет, а затем принялся разоблачаться, обнажая рельефные мускулы. Крепко сжав в руке длинный меч, он приготовился в любую секунду нырнуть на охоту.

Конфеты растворились в воде, и семицветные разводы распустились в океане наподобие упавшей в волны радуги, растекаясь по искрящейся водной глади.

Только теперь Сяо Юй понял, почему у Цан Хая закончилась еда, но при этом оставались эти калорийные леденцы.

Он затаил дыхание, боясь спугнуть охотника, и замер без движения.

— Идут, — глухим голосом предупредил Цан Хай. — Береги себя.

Сяо Юй кивнул, но тут же вспомнил, что Цан Хай его не видит, и уже собирался вымолвить слово, как в этот момент неподалёку взметнулась чудовищная волна, с ревом устремляясь в их сторону.

До боли знакомая картина.

Разве шлюпка, на которой он плыл, не разлетелась в щепки под ударами бушующей стихии, отправив его на дно океана?

В ушах снова зазвучали отчаянные, истеричные крики о помощи. Сяо Юй судорожно схватился за предплечье: когда-то его порезало рамкой для фотографий на корабле, после перемещения шрам полностью исчез, но сейчас по неизвестной причине нытьё в кости возобновилось с новой силой.

Тысячи брызг взмыли в воздух, окатив застывшего Сяо Юя с ног до головы ледяной водой.

Лишь после этого он вырвался из кошмара наяву, опустил взгляд на просквозившую насквозь одежду и мысленно выругался.

Эту одежду он ведь взял у Цан Хая поносить, и что теперь делать, раз она вся мокрая?

Кстати, а как там Цан Хай?

Сяо Юй больше не мог думать об одежде: разве какая-то тряпка шла в сравнение с его бесценным братцем-кормильцем?

Он обвёл взглядом горизонт в поисках Цан Хая.

Однако после буйства волн водная гладь снова обрела прежнее спокойствие, а радужные разводы растворились бесследно, словно ничего и не было.

Но Сяо Юй, уже однажды обжёгшийся в этих водах, не собирался так просто попадаться на удочку.

За этой кажущейся безмятежностью скрывались подводные течения и борьба не на жизнь, а на смерть, которая по накалу страстей намного превосходила любую бойню на арене.

Время шло секунда за секундой. Хотя Сяо Юй ни капли не сомневался в силе Цан Хая, затянувшееся ожидание легко могло превратить любую уверенность в тревогу.

Цан Хай оставался человеком, и он не мог задерживать дыхание под водой слишком долго.

Вода обладала выталкивающей силой, а боевая эффективность Цан Хая в её толще неминуемо падала. В прошлый раз они одолели Черноусого осьминога только потому, что выманили тварюгу на сушу.

Нет, нужно спуститься и проверить.

Больше не колеблясь, Сяо Юй бросился в пучину.

Что до опасности?

Если Цан Хай погибнет, у него не останется ни малейшего шанса на выживание: его либо сожрёт какое-нибудь чудовище, либо он умрёт от голода, разделив судьбу Пустынной планеты.

Ни один из этих исходов его не устраивал.

Уж лучше разделить с Цан Хаем тяготы и встретить смерть плечом к плечу, чем погибать столь жалким образом.

Сяо Юй, преисполненный решимости умереть за компанию, был готов расплакаться от собственного благородства: чем же таким заслужил Цан Хай встретить настолько верного и преданного напарника?

Отыскать поле боя оказалось проще, чем он думал. Увидев знакомые чёрные щупальца, Сяо Юй невольно вспомнил, каким вкусным тот бывает в варёном виде.

В то же время его взору предстал огромный кокон, сотканный из переплетённых чёрных щупалец. Без сомнений, Цан Хай находился внутри.

Цан Хай предупреждал его, что щупальца Черноусого осьминога смертельно ядовиты и впрыскивают в тело жертвы нейротоксин.

Неужели Цан Хай потерял бдительность, угодил в ловушку яда и теперь заточён в этом гигантском чёрном коконе?

Сяо Юй не стал атаковать опрометчиво: с его уровнем бойца пятидесятого сорта в худшую сторону он годился разве что в закуски этому осьминогу.

Требовалось сперва понять намерения Цан Хая.

При силе Цан Хая щупальца осьминога не смогли бы и близко к нему подобраться. Даже если вода сковывала движения меча, у него наверняка нашёлся бы способ выбраться на поверхность, а не застревать внутри кокона.

Если только Цан Хай сам чего-то не замышлял.

Осторожно, стараясь не привлекать внимания, Сяо Юй подплыл ближе. Возможно, само его присутствие казалось осьминогу абсолютно незначительной угрозой, а может, Цан Хай давил на тварь настолько сильно, что та была вынуждена сосредоточить все силы исключительно на нём.

Так или иначе, нападению он не подвергся — по крайней мере, пока оставался в безопасности.

Тогда он перевёл взгляд на чёрный кокон.

Поверхность кокона устилали извивающиеся щупальца — зрелище, способное довести до инфаркта любого человека с сильной трипофобией. К счастью, Сяо Юй хоть и испытывал брезгливость, но сумел перебороть себя и продолжил наблюдение.

И именно это наблюдение помогло ему заметить подвох.

Он отчётливо помнил, как во время нападения чудовища та чёрная тварь намертво оплела его тело, сдирая чешую и живую плоть.

Выходило, что для эффективной атаки щупальца должны были плотно прилегать к коже жертвы.

Тогда к чему было городить столь громадный кокон с таким огромным пустым пространством внутри? Неужели для того, чтобы Цан Хаю было где развернуться?

Сяо Юй предположил, что щупальца сплелись в гигантский кокон лишь для показухи, чтобы отрезать Цан Хаю все пути к отступлению. Всё потому, что они банально не могли подобраться к нему ближе. Длинный меч Цан Хая стоил не меньше, чем казалось, и сколько бы щупалец ни отращивал осьминог, они бы не выдержали подобного износа.

Скорее всего, тварь просто пыталась измотать Цан Хая до смерти!

Но раз щупальца столь хрупки, почему Цан Хай добровольно позволил заключить себя в этот кокон?

Причина могла быть лишь одна: он выжидал момент. Момент для удара в самое сердце.

Только вот время шло слишком медленно, и если так пойдёт и дальше, Цан Хай захлебнётся раньше, чем этот заветный момент настанет!

<http://bllate.org/book/21022/2136901>